

Светлана Леонидовна СМЫСЛОВА —
старший преподаватель кафедры русского языка

УДК 811.161.1'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «УЧИТЕЛЬ» В ТОБОЛЬСКОЙ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЕ «СИБИРСКИЙ ЛИСТОК» (1890–1919 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности лексической, синтаксической, метафорической репрезентации концепта «учитель». Исследование проведено на материале публикаций газеты «Сибирский листок», что позволяет сделать выводы о специфике репрезентации концепта «учитель» в региональном публицистическом дискурсе рубежа XIX — XX веков.

The article focuses on lexical, syntactical and metaphorical peculiarities of the concept of «teacher» expression. For this research to be carried out a number of articles from «Sibirsky Listok» newspaper were analyzed. The source material enables us single out specific features of the concept representation in a regional journalistic discourse at the turn of the 20th century.

Тобольская частная газета «Сибирский листок» издавалась в 1890–1919 гг. Коллектив газеты «не претендовал объять все стороны сибирской жизни», целью издания было «создать силу общественного мнения, сплотить местную интеллигенцию для дружной солидарной общественной работы» (СЛ, 1900) [3. С. 565]. «Сибирский листок» старался полно и всесторонне «освещать местную жизнь выяснением местных нужд, интересов, злб и невзгод, указанием на хорошее и дурное в жизни каждого уголка губернии» (СЛ, 1919) [6. С. 530]. Статьи, заметки, письма, стихи отражали разные стороны экономической, политической, культурной жизни — все то, что интересовало самих сотрудников газеты. Несмотря на разнообразие печатаемых в газете материалов, она «сослужила громадную общественную службу», проповедуя изучение родного края, ратуя за «просвещение и цивилизацию в лучшем значении этого слова» (СЛ, 1900) [3. С. 563].

Значительную долю публикаций в этом периодическом издании составляют материалы о народном образовании, об условиях жизни и работы учителей. Сведения о состоянии народных училищ, о работе средних учебных заведений, о внешкольном образовании размещены в рубриках «Городская хроника», «Деревенские письма», «Злоба дня», «Внутренние известия», «Письмо в редакцию», «Письма депутата». Отдельные аспекты образовательной деятельности освещены в статьях, авторами которых являются педагоги. Неоднократно встречаются размышления об учительском труде в заметках «Из прошлого», «С природы», подписанных псевдонимом Гринев. В 1912–1914 гг. активно печатался сельский учитель П. И. Иванцев. Многочисленны «Обдорские очерки» сотрудника газеты учителя Г. М. Дмитриева-Садовникова. Среди авторов газеты учителя Ф. К. Зобнин, К. П. Голодников (редактор неофициальной части «Тобольских губернских Ведомостей»), О. И. Убыткова, И. Г. Варнавин, С. А. Голендухине (инспектор народных училищ), Г. Я. Маляревский (епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, с 1907 г. директор народных училищ Тобольской губернии). В числе публикаций, затрагивающих вопросы образования, рассказ «Кончил (Из воспоминаний сибирского педагога)» (СЛ, 1901) [4], статьи и письма (1896–1917) известного общественного деятеля А. С. Суханова. А. С. Суханов был одним из инициаторов создания в г. Тобольске воскресной женской школы и народной

аудитории. В 1912 г. он стал выборщиком от первой курии города Тобольска, а затем депутатом IV Государственной думы, в 1917 г. участвовал в работе Учредительного собрания. С 1896 г. по 1900 г. он был издателем, редактором-издателем и редактором «Сибирского листка» [1].

Информационное поле газетного дискурса включает как предметно-логическую (объективную, фактуальную), так и прагматическую (субъективную, оценочную) информацию. Оба вида информации дают возможности для обнаружения содержания концепта «учитель»: предметно-логическая информация отражает понятийную составляющую в структуре концепта, а прагматическая — оценочную.

Понятийная составляющая концепта «учитель» репрезентируется в корреспонденциях «Сибирского листка» лексемами, которые, несмотря на наличие семантических различий в их общезыковом представлении, выступают в качестве эквивалентов: *учитель* (199) / *учительница* (85), *учащий* (82), *педагог* (34), *преподаватель* (35) / *преподавательница* (4) [в скобках указано количество употреблений]. Дифференциальные признаки субъектов, профессионально производящих целенаправленное воздействие на объект-ученика, в большинстве контекстов нейтрализуются. Один и тот же журналистский материал может демонстрировать употребление указанных лексем для обозначения одного и того же субъекта: «Тяжелый труд учителя начальных школ, соединенный с высшим напряжением нервной системы и быстро наступающим умственным переутомлением при плохих материальных средствах и отсутствии нравственной поддержки со стороны общества, сильно подрывает физические силы и умственную энергию преподавателя» (СЛ, 1903) [4. С. 148]. «Для многих и многих учащих начальной школы служит «козлом отпущения» за неуспехи школы. Говорят: «Если учитель хорош — хороша и школа» (СЛ, 1913) [6. С. 212]. «Успех общества в деле улучшения быта народных учителей и учительниц много бы выиграл, если бы на помощь этому делу пришли сами преподаватели народных школ» (СЛ, 1903) [4. С. 127]. В подобных случаях лексемы «учитель», «учащий», «преподаватель», «педагог» выступают как синонимы, выполняющие функцию замещения: их употребление вызвано стремлением избежать повтора.

Вместе с тем понятийная дифференциация происходит, если материал требует уточнения характера или места деятельности работника сферы образования. Так, в заметках о средних учебных заведениях наряду с лексемами «учитель / учительница» используется официальное наименование «преподаватель / преподавательница», сопровождаемое конкретизатором: «*преподаватель истории / греческого языка / новых языков и под.*». Разграничение функций передачи знаний и воспитания в средних учебных заведениях России в XIX в. — начале XX в., отраженное в наименованиях «преподаватель» — «воспитатель/наставник», неактуально в материалах «Сибирского листка»: «воспитатель» — 4 употребления. «наставник» — 1 употребление.

В заметках официального характера (хрониках событий, статистических сводках) употребляется лексема «учащий», которая используется для наименования любого субъекта, чья профессиональная деятельность направлена на образование и воспитание, независимо от места его работы (средние или начальные учебные заведения). Кроме того, лексема «учащий» используется для наименования субъекта без указания на его половую принадлежность, что подтверждается эквивалентным употреблением сочетаний «учителя и учительницы», «преподаватели и преподавательницы».

Лексема «педагог», в педагогическом дискурсе имеющая специфические семы «обладающий специальными педагогическими знаниями», «занимающийся изучением педагогического процесса» (педагог-ученый), в таком значении в исследованных публицистических материалах представлена лишь 2 раза: «бюст великого педагога» (о К. Д. Ушинском), «официальные педагоги» (о новых теориях воспитания). В целом публицистический дискурс демонстрирует более широкое понимание деятельности педагога: педагогом называется всякий человек, занимающийся образованием и воспитанием в любом образовательном учреждении. «Деятельность педагогов уездного училища является достойной похвалы» (СЛ, 1898) [3. С. 561]. «Из жизни сельских педагогов» (название заметки) (СЛ 1908). «Предоставление учащимся возможности требовать отставки педагогов, недобросовестных или безнравственных» (из Петиции гимназистов в педагогический совет Тобольской мужской гимназии) (СЛ, 1905) [4. С. 359].

В проблемных статьях, корреспонденциях с мест событий, заметках об отдельных личностях авторы «Сибирского листка» предпочитают лексему «учитель», обладающую свойством обобщения значений всех других наименований субъектов образовательного и воспитательного процесса. Данная лексема обладает наиболее широкой сочетаемостью с характеризующими лексемами, которые позволяют репрезентировать как понятийные, так и оценочные признаки в содержании концепта «учитель». Адъективное морфологическое выражение названий признаков учителя наблюдается также при лексемах «педагог», «преподаватель», «воспитатель»: «учитель» — 24 определения, «педагог» — 13, «преподаватель» — 3, «воспитатель» — 3. К понятийным признакам следует отнести указание на место работы (*сельский, городской, сибирский, тюменский*), на сферу и способ деятельности (*народный, бродячий, «странствующий»*). Оценку тяжелого труда сельского учителя выражают определения «бедная», «нуждающиеся», «беззащитная», «больной». Эмоциональный потенциал концепта «учитель» очерчивается двумя группами признаков: положительных и отрицательных. Положительные признаки выражены следующими прилагательными, дающими общую оценку: *выдающийся, даровитый, дельный, знающий, образцовый, опытный, прекрасный, золотой* («Кузнецов — золотой учитель!»); а также прилагательными, обозначающими личностные качества: *внимательный, добрый, настойчивый, отзывчивый, самоотверженный, скромный, чуткий*. Отрицательный полюс представлен ограниченным набором признаков: *безнравственный, грозный, малоопытный, неопытный, недобросовестный, отсталый, слабый, суровый*. В этой группе интересна энантиосемия качественного прилагательного «мудрый». Анализируя отчет о деятельности одной из частных гимназий, депутат Государственной Думы Н. Л. Скалозубов размышляет о воспитательной работе педагогического совета: «Неволью в моей памяти воскресли знаменитые правила для учеников Тюменского реального училища, где мудрые педагоги описывают, какого цвета сукно должно быть употребляемо для брюк и какого размера пуговицы должны пришиваться к куртке» (СЛ, 1910) [5. С. 283].

Признаки учителя, зафиксированные в несогласованных определениях, показывают функциональную дифференциацию и специализацию деятельности субъекта: *учитель начальной школы, церковно-приходских школ, передвижных школ, приготовительного класса, классической гимназии, образцовых и епархиальных школ и под.; учитель искусств, греческого языка и под.*

Характеризующими свойствами обладают широко представленные в газетном дискурсе перифрастические и метафорические наименования. В связи с тем, что в публицистике «использование языковых средств определяется во многом их социально-оценочными качествами и возможностями эффективного воздействия на массовую аудиторию» [3. С. 257], выбор наименования деятеля образовательной сферы обусловлен как жанром и характером материала, так и интенцией автора. С этой точки зрения среди многочисленных перифрастических наименований (*лица преподавательского персонала, член педагогического персонала, личный состав учащихся и под.*) выделяются сочетания, подчеркивающие общественный характер деятельности учителя: *народные деятели, местный общественный деятель = учитель, каждый выступающий на поприще общественной деятельности*. Самым употребительным является перифраз, который можно охарактеризовать как публицистический штамп высокого, патетического тона, используемый в различных вариантах: *работник на ниве народного просвещения, труженик на ниве народного просвещения, труженица на ниве народной*. Данный перифраз, служащий для украшения речи, по-видимому, утратил в газетном дискурсе силу экспрессивного воздействия, но он позволяет проявить смысловое наращение — «значимость учительского труда в общегосударственном масштабе».

Одним из вариантов этого наименования является словосочетание «сеятель на ниве народной». В данном случае в лексемах «нива», «сеятель» обнаруживается образ сеятеля, один из базовых образов, представляющих учителя в русском языковом сознании. Стандартность этого образа проявляется прежде всего в использовании прецедентного высказывания «Сейте разумное, доброе, вечное» в сильных позициях — в качестве эпиграфа или заключения. Когнитивная метафора «учитель — сеятель» эксплицируется также словами и словосочетаниями «сеятель», «нива просвещения», «рассадник просвещения», «рассадник света и культуры» (об учебных заведениях), «всходы», «экзаменационная страда», «семена знания и правды», а также целыми фрагментами текста. *«Всходы, может быть, не погибли бы, если бы до времени полного укрепления были охраняемы от вредных влияний умелой рукой учителя»* (СЛ, 1908) [5. С. 36]. *«Они учат будущие поколения, и нежные души ребенка легко воспринимают семена знания и правды, бросаемые в них»* (СЛ, 1905) [4. С. 349].

Метафорой, осмысливающей высокое назначение учителя, является также метафора «учитель — светильник (источник света)». Встречается как эксплицитное, так и имплицитное выражение этой метафоры. *«Нужны громадные душевные силы, чтобы высоко держать тот светоч знания, который он несет»* (СЛ, 1907) [Там же: 552]. *«Будь побольше таких светлых личностей, наш край оживился бы, грубые наши нравы смягчились, да и обледеневшая общественная энергия от света и теплоты, наверное, расцвела бы»* (СЛ, 1896) [3. С. 196]. *«Он не осветил предмета своего тем светом любви к человеку, каким он когда-то хотел осветить»* (СЛ, 1903) [4. С. 188]. *«С введением здесь всеобщего обучения увеличивается число скромных тружеников, несущих свет в это темное царство»* (СЛ, 1914) [6. С. 223]. В подобных контекстах метафора разворачивается за счет употребления антонимов «свет» — «тьма» и их дериватов: *свет — светлый, светоч, светильник, осветить; тьма — темный, темнота*, устойчивых сочетаний *тьма крошечная, темное царство*. Ряд лексем, эксплицирующих метафору «учитель — источник света», включает также высокочастотную в анализируемых текстах лексему «просвещение», этимологически восходящую к корню «свет», и семан-

тически близкие лексемы «огонь», «теплота». Антонимический ряд продолжается лексемами «обледенеть», «мрак», «пятно»: «Пятно невежества покрыло всю Сибирь. Сибирь — сплошное страшное пятно, где нет почти ни одного светлого уголка. Всюду мрак, всюду «тьма кромешная»!.. Ни школ, ни учителей, ни просто грамотных людей» (СЛ, 1896) [3. С. 184].

В парадигму патетически окрашенных образов входит образ учителя — борца с невежеством. Метафора «учитель — борец» может воплощаться в сравнении: «Умер среди трудов, как доблестный воин на поле брани, воин в борьбе с народной темнотою и невежеством» (СЛ, 1911) [5. С. 475]; в устойчивом сочетании «вести борьбу»: «Неужели борьба, которую каждой учительнице волей-неволей приходится вести, ...будет для учительницы легче после того, как ее публично «пробрали»?» (СЛ, 1898) [3. С. 436]. Данная метафора может организовывать текст, являясь его стержнем. «Картина современного состояния народного образования в Сибири безотраднейшая. Чтобы несколько улучшить и скрасить ее, необходимы для этого специальные учреждения, люди и средства, все силы и время которых исключительно поглощались борьбой с «пятном невежества» в обездоленной и глубоко несчастной Сибири. Там нужна целая армия самоотверженных людей и опытный полководец, который бы «без страха и сомнений» ополчился на врага — невежество и могуче сокрушил бы его. В пределах европейской России такой полководец и такая армия есть и уже целых 35 лет геройски и победоносно воюет с этим нашим исконным отечественным врагом. Полководец этот — земство; его армия — славная многострадальная армия земских учителей и учительниц. Что же мешает призвать в Сибирь этого славного полководца и его армию и двинуть их в бой за правое дело? Введите там земские учреждения, допустите сибирское общество к самоуправлению...Закипит ожесточенная борьба с вековым врагом — невежеством, который сначала дрогнет, пошатнется, а затем, со временем, уступит перед силой, энергией и самоотверженностью земских людей» (СЛ, 1896) [3. С. 186].

С метафорическим образом «учитель — борец» связана аллюзия, привлекающая внимание своей яркой образностью. «Бороться с этим злом, отвоевывать лучшие условия существования школы. Вот что говорит здравый смысл и совесть. А между тем прослыть Дон-Кихотом не хочется, да еще копошится в душе сомнение, принесет ли эта борьба какую-либо пользу, не будет ли она поединком с мельницами» (Из дневника сельского учителя) (СЛ, 1898) [3. С. 433].

Подчеркивая тяготы учительского труда, авторы статей газеты «Сибирский листок» прибегают к использованию метафоры «учитель — раб», которая актуализирует периферийные признаки концепта, определяя реальный, а не идеальный статус учителя (обычно учителя начальной школы) в общественной жизни. Метафора «раба» образуется на базе признаков: бесправный, зависимый, несвободный, бессильный, а потому страдающий, испытывающий боль, но терпеливый. Приведем примеры: «Вера в самостоятельность и независимость сразу стала для меня ненужной фикцией. Приходится скрепя сердце покориться» (СЛ, 1898) [3. С. 425]; «Никаких указаний по педагогической части...смотритель не дает, относится к учителю свысока, стараясь показать, что мы только бесправные прислужники, зависимые от всех и вся» (СЛ, 1898) [Там же: 428]; «Неужели учителя должны сидеть навытяжку целый экзамен, продолжавшийся с 10 ч. утра до 11 ч. ночи, а начальству можно кричать, рассказывать анекдоты и жаловаться на

геморрой?» [Там же: 437]. Как видно из приведенных примеров, метафора может быть выражена как прямо, так и косвенно. Кроме лексем, указывающих на признаки раба, данную метафору представляют метафорические номинации: «школьные пасынки и страдальцы», «прислужники»; а также характеристики жизни и деятельности учителей: «до уныния тяжело, до боли стыдно», «чувствуешь несправедливость», «невозмогу приходится», «долгий и тяжелый труд», «высшее напряжение нервной системы», «быстро наступающее умственное переутомление», «ужасная обстановка и недостаток самого необходимого», «отсутствие нравственной поддержки со стороны общества» и под.

Помимо базовых, регулярно используемых образов сеятеля, источника света, борца и раба, исследованный материал содержит положительно окрашенные метафоры «учитель — двигатель» (1), «учитель — миссионер» (1), «учитель — проводник» (1), «учитель — отец» (3), а также отрицательно окрашенную метафору «учитель — механизм» (1). Следует отметить, что один и тот же фрагмент текста может отсылать к нескольким метафорам.

Использование различных метафор, экспрессивное воздействие которых гарантировано содержащимся в метафоре образом, помогает субъектам публицистического дискурса выразить свое отношение к предмету речи, дать оценку.

Таким образом, исследование репрезентации концепта «учитель» в текстах тобольской частной газеты «Сибирский листок» позволяет выявить оценочную составляющую в структуре данного концепта, которая представлена двумя полюсами: положительным и отрицательным. Биполярность оценочного поля в печати отражает социальную позицию, систему ценностей автора, цель публикации. При этом отрицательная оценка, неотделимая от фактов, вызвана стремлением автора привлечь внимание общественности к этим фактам. Заметное смещение оценки в положительную сторону связано с пропагандистским характером большинства статей, посвященных проблемам образования, и отражает общую направленность анализируемого издания, стремящегося поднять на высокий уровень статус учителя. По мнению сотрудников газеты, «учитель должен являться культурным центром, в его руках должны находиться все пружины,двигающие общественную и культурную жизнь. Все серьезное, облагораживающее ... должно идти через учителя» (СЛ, 1907) [4. С. 552].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коньков Н. Л. Алексей Степанович Суханов // Информационное пространство Тюменской области: Сборник научно-практических работ / Под ред. Н. Э. Шишкина. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. Вып. 3. С. 98-112.
2. Платонова О. В. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати // Культура русской речи / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 253-264.
3. Сибирский листок: 1895-1900 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 624 с. [Газеты Сибири].
4. Сибирский листок: 1901-1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 640 с. [Газеты Сибири].
5. Сибирский листок: 1908-1911 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 656 с. [Газеты Сибири].
6. Сибирский листок: 1912-1919 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 592 с. [Газеты Сибири].